

Григорий Беркович

*Не откладывай
жизнь
на завтра*

Мысли на пороге вечности

Харьков

Vivat
PUBLISHING

2015

УДК 82-32
ББК 84
Б 48

Серия «Витражи»
основана в 2015 году

Беркович Г. Ф.
Б 48 Не откладывай жизнь на завтра. Мысли на пороге вечности. —
Х.: Виват, 2015. — 288 с. — (Витражи).

ISBN 978-617-690-169-3
ISBN 978-617-690-058-0 (серия)

Жизнь не терпит отлагательств. Каждый день, нет, каждая минута неповторима, и наша задача — прожить ее по максимуму, не откладывая на завтра осуществление мечты и реализацию планов. Зачем? Пожалуй, чтобы потом, оборачиваясь назад, вспоминать не успешные замыслы, а успешные действия, которые изменили к лучшему вашу и, возможно, еще чью-то жизнь.

А о чем думают на пороге вечности обычные люди, прожившие не один десяток лет? Об этом рассказывает автор книги Григорий Беркович, мастерски рисуя портреты героев, которые делятся своими воспоминаниями, своими радостями и горестями. Своим опытом. Своей жизнью. А рядом с портретами стариков — портреты тех, кому этот опыт необходим.

УДК 82-32
ББК 84

ISBN 978-617-690-169-3
ISBN 978-617-690-058-0 (серия)

© Беркович Г. Ф., текст, 2015
© ООО «Издательство “Виват”», 2015

И пришел Человек к Матери своей...

И пришел Человек к Матери своей. К Матери своей, на могилу. И заплакал Человек и спросил: «Мама, мама моя, на кого же ты меня покинула?» И ответила ему Мама: «Не обо мне ты плачешь. Не покидала я тебя и не покину. Жива я памятью твоей. И хорошо мне жить, поскольку память твоя светла. Не обо мне ты плачешь, о себе. О том, что недобрал у меня. Но не плачь! Иди к Богу. Он даст тебе больше, чем могла бы дать я...»

И пришел Человек к Сыну своему. К Сыну своему, на могилу. И заплакал Человек и спросил: «Сын мой, Сын, на кого же ты меня покинул?» И ответил ему Сын: «Не обо мне ты плачешь. Не покидал

я тебя и не покину. Жив я памятью твоей. И хорошо мне жить, поскольку память твоя светла. Не обо мне ты плачешь, о себе. О том, что недодал мне. Но не плачь! Иди к Богу. Он возьмет у тебя все, что ты можешь дать с большей благодарностью, чем я...»

И пришел Человек к Другу своему. К Другу своему на могилу. И заплакал Человек и спросил: «Друг мой, Друг, на кого же ты меня покинул?» И ответил ему Друг: «Не обо мне ты плачешь. Не покидал я тебя и не покину. Жив я памятью твоей. И хорошо мне жить, поскольку память твоя светла. Не обо мне ты плачешь, о себе. О том, что недодал разделит со мной. Но не плачь! Иди к Богу. Он разделит всю твою жизнь честнее, чем я...»

И сказал Человек Богу, Богу своему: «Незачем и некуда идти мне. Потому, что когда умер Ты, весь мир стал могилкой. Бог мой, Бог, на кого же Ты покинул меня?»

И ответил Бог: «Не обо мне ты плачешь, о себе. Ибо умер я только для тебя...» «Так поплачь и Ты обо мне!», — сказал Человек. «Зачем? — удивился Бог. — Для меня-то ты жив...»

Крошечный пригород небольшого города. Узкие улицы, много зелени... И очень тихо. Непонятно, как это так устроилось тут — столько тишины на единицу площади? Тихие, будто безмоторные машины, тихие магазины, тихие, махонькие кафешки. Бывает, поддаст какой-нибудь залетный мотоциклист газу и сам вздрогнет от неожиданности. Даже дети тут тихие, что совсем удивляет. Вроде все обычно, играют как нормальные дети, бегают, стучат, ползают, падают, кричат, но словно в каком-то ватном облаке, глухо как-то...

Порядок всюду. Старческий такой порядок, с несколько затхлым запахом. Домики, одно- или двухэтажные, аккуратные, чистенькие, а краска облуплена местами и мох на крышах. Садики тоже... Чуть подзаросшие, диковато-глуховатые, сказочные.

Медленный, плавноживущий, укромный пригород небольшого города. Хорошо тут, спокойно, задумчиво. Всего два высоких здания украшают поселок. Они расположились на самой окраине, по обеим сторонам улицы, перед кладбищем. Церковь (куда же без нее?) и дом престарелых. Церковь со своей колокольней похожа на гордого, задравшего голову жирафа. Дом престарелых похож на упавшего от усталости слона. Церковь — для развития и наполнения духовной жизни прихожан, дом престарелых — для поддержания остатков физической жизни жильцов. Из церкви люди выходят посвежевшими,

Портрет 1

с ясным взглядом и добрыми мыслями (в идеале), из дома престарелых... мало кто выходит. В церкви все тянет вверх, в доме престарелых — вниз. Такие разные дома соседствуют и дополняют друг друга. Дома-антиподы.

Дом престарелых — предпоследний приют для ста пятидесяти жильцов-доживальцев. Следующая и последняя остановка — кладбище. Текучесть тут, как у горной речки: не успеет комната от одного остыть, как уже другой тут как тут. Со своими устоями, болезнями, проблемами. Со своим, Богом отмеренным сроком.

Калейдоскоп жизней, конфетти историй — успевай только обращать внимание. Именно с ним, со вниманием, тут сложно. Не хватает его. Внимания вообще в мире мало, а на долю стариков его совсем кроха досталась. Молодые своим старением заняты, а точнее, вовсе о нем не думают. Столько всего вокруг, и до того дотянуться хочется, и до того добежать, пока руки не дрожат и ноги держат.

Я — медбрат в этом доме. Точнее было бы сказать — медплемянник, исходя из среднего возраста населения этого заведения. Да-да, именно так, медплемянник. Не совсем свой и при этом совсем не чужой. В меру сил забочусь о стариках, за что и получаю зарплату. Так сказать, внимание в переводе на денежные знаки. Иногда пытаюсь рисовать портреты жильцов. Вот некоторые из них...

Комната 201
Она, 86 лет

Симпатичная, сухонькая, аккуратная, одуванистая старушка. Когда-то работала в цветочном магазине. Видимо, поэтому ее комната нафарширована цветами чуть ли не до потолка. Цветы у нее долго не живут — уход не тот: старушке не хватает сил, персоналу — времени и желания. Всем хороша бабушка, если бы не одно «но». Она никак не может запомнить дорогу из обеденного зала до своей комнаты. Четыре раза в день один и тот же маршрут — и каждый раз то в чужую комнату попадает, то в подвал, то еще куда-нибудь. Принимать пищу в комнате не хочет.

— В обеденном зале общество, хорошие люди, — объясняет она. — Я без них не могу.

Медперсонал пытается перехватить ее у дверей зала, но не всегда получается... У старушки болезнь Альцгеймера в начальной стадии. Из-за нее отключился компас в голове. Потеря ориентации на местности — не катастрофическая, но очень неприятная штука. Болезнь прогрессирует, что отключится завтра — никто не знает. Старушка понимает, что больна, понимает, что против Альцгеймера бессильна, но старается относиться к своему состоянию если не с юмором, то хотя бы с улыбкой.

— Я всю жизнь заходила куда-то не туда, зачем же в старости менять привычки? — говорит она, покорно следуя за мной в свою комнату. — Вы же все равно найдете меня и приведете куда надо. А болячка моя... Она меня не одолеет, я умру раньше, чем выживу из ума. У меня знаете какой большой ум? Из него устанешь выживать...

Портрет 2

Комната 215

Он, 79 лет

Такой аккуратный старик-затворник. Любезный, спокойный старик-в-себе. И комната его такая же, под стать хозяину — чистая, тихая, но... музейная какая-то, экспонатная. Вроде как из прошлого века. Заходишь в нее и непроизвольно поджимаешься весь, чтобы ни до чего не дотронуться, чтобы ничего не нарушить.

Старик — молчун. Редко-редко что скажет, и все по делу. Никаких рассуждений, никаких воспоминаний. Всю свою жизнь он в себе хранит, с собой и унесет.

Около окна в комнате стоит старинный стол — ножки в замысловатых завитушках, резьба по канту, инкрустация. Серьезный стол, антикварный. На столе — старая-престарая фотография под стеклом, в совершенно чудесной рамке. На фотографии — молодая женщина в позе эдакой загадочной мечтательницы застыла в студийном антураже. Шляпа с вуалькой, кружева, платочек с вышивкой — все как положено. Симпатичная молодая женщина многолетней давности. Старик подолгу сидит за столом, подперев обеими руками подбородок, смотрит на это фото и шевелит губами.

— Простите, это ваша супруга? — решил я спросить у него однажды.

